Вадим Полторак

Иной Мадьяр

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Вадим Полторак

Иной Мадьяр

https://litres.ru/75021782
SelfPub; 2026

Аннотация

Антон, став невольным орудием чужой интриги, рушит свою «удачную» жизнь и бежит — от погони, от себя, от вины за погибшего друга. В Карпатах его находит Зося: отчаянная, верующая, влюблённая. Вместе им предстоит скрываться в горах, выживать и отвечать на вопрос, который не отменяет ни погоня, ни автомат в рюкзаке: можно ли начать настоящую жизнь, когда за всё придётся платить?

Вадим Полторак
Иной Мадьяр

Вадим ПОЛТОРАК

ИНОЙ МАДЬЯР

Иной мадьяр не виноват, что он мадьяр
Швейк

В этом старинном уездном городке я оказался совершенно случайно. У меня была толика денег, но пропасть времени – и вот я установил режим беспощадной экономии, чтобы на сумму эту прожить как можно дольше.

Каждое утро, едва рассветало, заставлял себя бежать. Бегал по разным дорогам, узнавая городок и окрестные деревеньки. Редкие прохожие удивлялись, а то и шарахались. Тело скрипело и ныло в самых разных местах, но я с дурацким злорадством истязал его, увеличивая нагрузки, – как будто именно оно было во всем виновато.

А как еще мне было казнить себя? Запас язвительных слов был израсходован в первые дни. Память прокручивала одни и те же картины, как закольцованную киноленту. Картины, от которых сперва обдавало жаром стыда, а теперь только покалывало где-то под диафрагмой. Хорошо еще,

что по ночам «кина» не было. Я вообще не видывал связных ночных картинок, во сне – только сумбур да нелепости.

Ныне в остуде и одиночестве меня поражала степень собственного ослепления. Надутый индюк – гордился честностью и неподкупностью, а поймался на наживку самой грубой лести. Премия «Золотое перо», премия «Стиль», похвальные отзывы «стариков»... ведро бы тебе из сортира на голову!

Они подбросили мне эксклюзивный компромат, дали сладкую возможность заиграться в роли Шерлока Холмса, создали искусственное, но как будто только мною самим преодоленное препятствие – и все для того, чтобы я взорвал бомбу, самую мощную в своей газетной практике.

И когда экстаз борьбы сменился привычной опустошенностью и дым от взрыва стал рассеиваться, ко мне явилось мордатое чмо и нагло, в открытую положило на стол жирную пачку как бы нарочито залапанных бумажек.

– Шеф велел передать, что остается вашим должником и готов исполнить любое пожелание. Ведь вы размели наших конкурентов в пыль!

Дальше было совсем скверно. Я заорал, бросил ему пачку в морду, ворвался в кабинет редактора и визжал там буквально как свинья под неверным ножом.

– Ну-ну, малыш! – от звука его отлаженного лживого голоса у женщин, как говорили, начиналась дрожь в коленках. – Мы замечательно поработали. Ты никогда не был столь

великолепен. Ты стал мужчиной, и тебя ждет еще много побед.

– А ты!.. Ты!.. – визжал все еще недорезанный подсвинок, – ты – собачье дерьмо на выставке орхидей!.. Последняя шлюха возвышается над тобой, как Монблан!.. Ты солитер в кишке пахана, опарыш в отхожей яме!..

Бывает так, что ничего не остается, кроме как покончить с собой.

И я покончил.

Вспомнил о наследственном домике бабушки и нырнул в него, как в инобытие.

Я ушел от всех «своих», не сказавшись, потому что для них в произошедшем ничто не казалось страшным: с волками жить – по-волчьи выть.

Если бы я прежде не возносился – не пришлось бы и расшлепываться в блин. А теперь у меня не было пути, и только по-детски хотелось удрать в позапрошлый век, где дуэльный пистолет ставил классную точку в конце неверной фразы.

И вот я бегаю по городку, копаю огородик, да еще захаживаю в церковь на площади – единственное место, где можно вообразить себя в позапрошлом веке. Я, конечно, и там чужой, и бабки шпыняют, чтоб не торчал столбом, и глаза приходится закрывать, чтобы по привычке не отмечали деталей для журналистских надобностей, – но есть там такое пение, ну хоть бы вот это... «Господи, воззвах к Тебе,

услышь меня...».

Сказать ежели совсем без вранья – а я так себе положил, что при ловле на вранье добавлял лишний километр бега, – ничто не помогало радикально. Новая жизнь не складывалась. Временами так было паршиво – хоть вой. И что дальше? Что? Куда бежать?

Когда-то посмеивался над дурацкой фразой «Никто меня не понимает», – было бы, дескать, чего понимать. Ну а как рассказать другому про мое крушение, если для него оно и не крушение вовсе, а нормалек? Под машину не попал, все цело, газет теперь всяких навалом – зарабатывай...

В нашем не блистательном храме я всегда видел ее на одном месте – у иконы Богоматери, и всегда на коленях. Вот, говорю себе, – смирение, терпение и прочие добродетели, коих у меня отродясь не бывало. Учись, твержу, паскудный пацан! Ну, я и без нее понимал подпорченным журналистикой мозгом, что нельзя ставить собственную тоску в центр мироздания, что многим просто хуже – ну и так далее. Только сколько ни уговаривай, а чужая боль свою не утишает. Или я просто неисправимый эгоист.

Однажды она поднялась, опираясь на палку, и повернулась прямо на меня. И я содрогнулся. Половина лица была жутко искорежена, а взгляд единственного глаза при встрече с моим любопытством просто ошпаривал.

И все-таки я почему-то отправился за ней.

С площади она свернула в проулочек с одноэтажными домиками. Потом еще раз. И когда я, убыстряясь, проделал то же, она стояла за углом, опираясь на палку.

– Ну, – сказала она с какой-то странной хрипотой. После я понял, что странность заключалась в наложении хрипоты на голос не глухой, а достаточно звонкий, да еще с невозможным бульканьем.

– Я... ничего...

И пошел, и пошел вперед, пристыженный этим ошпаривающим взглядом.

На этом бы и закончить. И все-таки я еще несколько раз пытался издали осторожно проследить за старухой, покуда не повезло.

Это было в воскресенье после литургии, некоторый народ гулял, как мог, и к ней прицепились трое подростков. Они плелись сзади и деланными голосами шипели: «Ведьма, у-у-у, ведьма!..» А после стали бросать комьями глины с обочины. Как положено странствующему рыцарю, я прихватил двоих за шкирки и слегка потер лбами. Это были хилячки от телевизора, они едва не обделались и быстро исчезли – все трое.

– И что дальше? – спросила она с той же хрипотой и бульканьем.

– Если не возражаете, я провожу вас.

– И то. Никуда от вашей конторы не денешься. Давненько не виделись, забывать стала. Пошли.

У несчастной, видно, и в голове – как на лице. Зачем привязался к убогой? Я ведь не желаю ничего изучать и описывать...

Мы проходили мимо крохотного магазинчика в обычном деревянном доме.

– Если есть деньги – купите кофе.

Я купил банку, мы добрели до хибары, окруженной разнообразной дикой поросльюю. Это и была ее избушка на курьих ножках.

В единственной комнате оказалось на удивление чисто и даже просторно – из-за отсутствия мебели. Стол, правда, был, дощатый. И табурет. Лежанка у печки. И никаких запахов, обычно сопровождающих приготовление пищи.

Икона Богородицы в углу.

Моя героиня ловко растопила самоварчик, труба которого была врезана в дымоход. Уступила мне табурет, а сама устроилась на ящике.

И вот мы пьем кофе из кружек. Она себе намешала столько, что впору взорваться.

– У меня где-то есть сахар, пошщу, если надо.

– Благодарю вас, не беспокойтесь.

Я стараюсь не встречаться с ошпаривающим взглядом и не глядеть на уничтоженную часть лица. Мне на табурете – как на позорище. Скорей допить черную отраву да откланяться.

– Ну-с, так что вы желаете выведать, товарищ стар-

ший лейтенант?

Никогда еще не слыхал, чтобы слово так сочилось ядом, как этот «товарищ».

– Какой... лейтенант?

– Не похоже, чтобы вы доросли уже до капитана.

– Я... нет... я бывший журналист... Можете проверить...

И из меня полилось. Впервые я рассказывал свою историю и, наверное, в самом неподходящем месте.

Я то кипел, как самовар, то чуть не разрыдался, то доказывал, доказывал... Короче, вполне упал в какое-то истерическое состояние. Не кружка отравы, а пара хорошеньких оплеух – вот что тогда бы мне помогло.

– Ну да, да... – хрипло пробулькала она. – Когда врачи вернули меня к жизни, я тоже не обрадовалась. А потом, за восемнадцать тюремных лет, – что, не хотелось мне разом покончить... Да перестаньте прятать глаза! Надо быть крепче, вы не барышня! У вас впереди и жизнь, и смерть – так вот, взгляните прямо и подумайте: разве имеет хоть какой-то смысл мое существование среди людей? Ну? А кто же за меня покается? Люди злы, а Господь милосерд. Мы обречены до конца претерпевать эту земную бодягу. Терпеть. Терпеть. Даже когда свыше всяких сил...

После малодушной истерики я сидел на табурете мокрый, как из бани, и попытался оправдаться:

– Я стараюсь. Я даже бегаю до изнурения, чтобы не поддаваться жалости к себе.

Взгляд ее единственного глаза уже не ошпаривал. В нем появилось столько всего, что не с проницательностью газетного шакала это все разобрать. Но юмор там был. Точно говорю вам, был. На этом лице, не способном к мимике, улыбался глаз.

– Как вас зовут все-таки, юноша?

– Антон.

– Антон? – Она забулькала, захрипела и закашлялась одновременно. Клянусь, это был смех. – Ну какой же из вас Антон?

Пожалуй, это уж слишком. Скажем, какой из меня журналист – пусть. Какой осмысливатель жизни – тоже верно. Какой умелец практических хитростей – согласен, трижды согласен. Из всяческих гордостей осталась у меня, наверное, одна: я более беспощаден к себе, чем любой мой враг. Но имя! Антон я, и всегда назывался Антоном, без всяких уменьшительно-ласкательных глупостей, которые пресекал.

Она снова насыпала в кружку зелья, залила кипятком и сказала:

– Ладно, я расскажу вам. Может быть, все это не просто случай. Может, так надо. Вы ведь, нынешние, зацентропуплены в своей окружности. Короче, дело было до вашего появления на свет, мальчик...

Ресторан «Гуцульщина», рубленный из отборных смерек – карпатских елей, – деревянные резные люстры, дубовые

столы, официантки в нарядах от ансамбля песни и пляски. Колыба – какая-то безголовая пародия на колокольню, из бревенчатой «шеи» у нее струится дымок: туристы жарят свиные шашлыки , толкаясь за местечко у похожих на больные птичьи глаза углей; эти глаза то подергиваются пленочкой, то вспыхивают лихорадочным жаром, и перескакивают между ними синие недолгие огоньки.

А еще всегда несытые туристы хватают карпатские сувениры, размалеванную деревянную ненужность, киптарики – вышитые ярко по черному сукну жилетки, недорогие белые грибы; и от водопада на Пруте, от местного базара рассыпаются к окраинам в лихой надежде, что повезет оторвать по дешевке свитер, расписную ореховую палку, овечью шкуру или незатруднительное приключение по амурной части.

Антон старался либо обходить орду по касательной, либо втыкаться в самую гущу – и тогда он в выгоревшей своей шерстяной олимпийке, в стоптанных кедах и в такой модной, но дурацкой на его взгляд стрижке, сочетающей длинные волосы с висячими казацкими усами, – так вот, тогда он исчезал в толпе, растворялся, оставаясь сам по себе.

Пожалуй, отчасти он просто завидовал этим восторженным и загребущим компанийкам, их нахальной уверенности, что все вокруг, включая истоптанную Говерлу, произведено для их безоглядного пользования – во всяком случае, на срок путевки. Но и Антон по-своему не терял времени, пока в одиночестве бегал в этих истертых горах: он строил и

отвергал планы. Чтобы потом, лежа под уходящими в высь стволами гуцульских смерек, придумать еще один, такой же несбыточный, как остальные.

В последние дни он нервничал как-то больше обычного, а причину беспокойства отыскать не мог; и он старательно смазывался в толпе, сидел в столовой у раскрытого окна, держа вход под наблюдением, и спал не в своей законной койке, а поменявшись с бывшим примерным семьянином, угоревшим от доступных девок. Но сам Антон знал, что детские его хитрости хороши лишь для игры в кошки-мышки. Нет-нет, надо что-то решать и срочно сматываться. А неохота, как-то пригрелся здесь... Или зря он паникует?

Нет, не зря.

Антон нырнул в сторону и упал в траву за старым грабом. Полежал, поглядел на букашек. Улыбнулся с облегчением даже. Поздно сматываться, и некуда.

На тропинке появилась девица в джинсах и черной футболке. Заторопилась, явно выслеживая кого-то. Ишь, засуетилась, заметалась... маловыученная, видно. Антон, скрытый стволом дерева, осторожно поднялся, подпрыгнул и подтянулся, уцепившись за сук. Обзор вполне приличный – но нигде никого. Ну и ну!.. Выходит, что ли, один на один? Так ведь это совсем не страшно – один на один с кем угодно, не только с этой раззявой.

Он бесшумно спустился и сам превратился в охотника. Черная футболочка пометалась еще из стороны в сторону,

остановилась, снова вперед – да только уже без всякого азарта, даже как бы в отчаянии. А не берись не за свое дело!..

Когда Антон положил ей руку на плечо, она так вскинулась, что рука его сразу слетела. Но обернувшись и увидев Антона, просияла, как водопадик ихний кукольный, что у «Гуцульщины», от косого утреннего луча. Считает, значит, что ей подфартило...

– Не меня ли барышня здесь ищет?

– Да, – храбро ответила она, – вас.

– Оно и легче, без вранья... Идите-ка вперед, барышня, только тихо и без жестов.

Она послушно шла вперед, даже как бы пританцовывая от удовольствия, иногда порывисто оборачиваясь, чтобы убедиться, что он не исчез.

– Влево. Так-так... А теперь все прямо. Пришли. Располагайтесь, как дома.

Антон почти успокоился. Отсюда прекрасный обзор, а сами под защитой густой поросли терна.

– Начнем с анкеты, да? Ваше воинское звание?

– Что? Как странно... Да, знаете, я младший лейтенант запаса... химической службы.

– Я про другое. Где вы *сейчас* служите?

– Вообще-то в одном НИИ, но это все пустое... Почему вы не спрашиваете, как меня звать? Мама меня называла Зося. Это по-польски. Пан ниц нэ разуме по-польскему? Ну и не важно. По-русски меня можно звать Соней. Я и правда ужас-

ная соня...

– Это все здорово, Зося. А если ближе к делу?

– Ну, я так сразу не могу... Знаете, мама меня учила первым делом соблюдать приличия. А приличия требуют познакомиться...

– Ничего себе! Мама – это, что ли, майор? Или кто у вас там? Начальник курсов?

– Мама – это мама. Пока она жива, что бы с тобой ни случилось... самое ужасное... у тебя еще есть убежище, ты еще нужен... А потом – все...

– Значит, приказано тянуть время? Нет уж, Зося, давайте сразу и прямо!

– Вот так прямо и выкладывать?

– Ага.

– Ой, ну страшно ведь!..

– У меня нет времени. Зачем вы за мной ходили?

– Я хотела сказать... Ну что вы, правда!.. Ну, я хотела вам сказать... что люблю вас, и все!

– Здрасьте! –сказал Антон в растерянности. Такого чисто женского хода он предвидеть не мог.

– Здравствуйте.

Спокойно, спокойно, отчего бы у них не служить и лучшим бабам? Льготы, шмоты и романтика... У блатных тоже встречаются крали из краль... А эта, может, и взаправду полька... носик, ротик... какая разница? А глазки так и играют... Не боится, дура.

– Я не люблю черненьких, – сказал он грубо.

– И только? Так я могу к утру стать беленькой, рыженькой, зелененькой, наконец! Выбирайте.

Получается, что ли, вместо десятка мордоворотов шлют одну актерочку. Ах, я вас люблю!.. Нашли идиота. Да этой черной футболочке хватит десяти минут танцулек, чтобы взять любого... ну, хотя бы на время... Не с руки бы ей карабкаться за Антоном, рискуя – ох как еще рискуя! – нарваться на неприятность... Кое-какой опыт с женщинами у Антона был, и так случалось, и этак, такое иногда несут... кино! Правда, когда туман рассеется, видно, что выгоду свою все понимают... И она, видишь, сияет, орден, может, или славу в газетах посулили... Но – храбра! Ротик заткнуть, связать да и оставить, где заросли погуще, пусть свои ищут... зарплата все равно идет... и еще, наверно, за особый риск...

– Послушайте, не думайте ничего... Ну, неприлично и глупо... но правда! Я вас увидела и полюбила – это ведь сплошь и рядом... говорить только нельзя. А я вот говорю!

– Послушайте, Зося, – сказал он медленно и путаясь. – Я, конечно, это... благодарен за добрые чувства... чем только заслужил? Но нам не по пути, точно. Мне надо сма... сматывать удочки. Вот. И на ваши крючки мне клевать некогда. Как говорил у нас один лейтенант, нету шансов для романсов, нету манов для романов.

– Глупый у вас был лейтенант. Разве я о романах? Если на то пошло, так я сматываюсь с вами, и все.

– И никакой мужик за вами не увяжется?

– Я была замужем... Пока не увидела вас. Теперь не стоит об этом. Затем, что ветру и орлу, и сердцу девы нет закона...

– И вы считаете, в это можно поверить?

– Труднее всего поверить правде.

– Да вы ненормальная, барышня...

– А вы, дорогой мой, что, нормальный? У вас необыкновенное лицо. И вот, вы прячетесь, а оно выдает вас в толпе, не спрятаться золотой рыбке среди сотен головастиков. У вас ненормальное лицо, на нем написано, что вам здесь ничего не надо. А мы здесь все хвататели, мы – норма, а вы вне. И вот, вы работаете под спортсмена, и рост у вас баскетбольный, а вы ведь не спортсмен, и не рекорды на уме... Вот, ненормальная Зося сразу вас засекла. И вы решили, что я из милиции... Да протрите глаза! Вы взяли банк, а храбрая Зося сцапала вас? Не умею я цапать, но умею видеть. И я увидела вас и полюбила, что же тут дурного? Ах, надо было ждать, красоваться перед вами, да? А я, может, перед вами сто раз как пень вырастала, только вы этот пень обходили не глядя. Это нормально, да? Это вежливо? Ну что же, задушите меня в терновнике, если считаете, что я лейтенант. А лучше возьмите с собой... Вот – я навязываюсь вам, а даже не знаю, как вас зовут.

– Меня зовут Евгений, – сказал Антон. – И черт бы меня подрал, если я знаю, что с тобой делать. Простите, с вами. Да, барышня, банк я не брал, но лучше со мной не водиться.

– А я хочу водиться только с вами. Неужели так трудно понять?.. Ну, перекрашусь, перекрашусь!.. Что еще? Выщипать брови? Сменить джинсы на юбку? Может, остричься наголо?

– Понадобится – остригут...

– Значит, вы берете меня с собой?

– А куда?

– На край света, конечно.

– На самый край... Попробуем. Скажем так: отправляемся на прогулку в горы. И у вас, надеюсь, будет время исправить глупость, которую... это... доверившись первому встречному...

– Какое, черт возьми, благородство!

– Ну-ну... У нас, знаете, мало времени. Как и денег. Что, если я и впрямь позову вас брать кассу?

– Не понадобится, Женя. Может быть, я и ненормальная, но не дура. Я звонила сестре, она откупила у меня все мои сокровища и привезла деньги. У меня теперь четыре с лишним тысячи наличными.

– Как по-писаному... Ну, послезавтра утром, в восемь тридцать... да хотя бы на этом месте. Сможете дотащиться сюда с рюкзаком?

– Да.

– И чтоб никто нигде ничего... Лишнего не берите. Хороший коньяк, шоколад, если достанете – тушенку. Шерстяное одеяло получше, свитера... Жду вас ровно пятнадцать минут.

А передумаете – не трепитесь обо мне, ладно? И завтра, где б ни увидели, ко мне не подходите. В каком вас корпусе поселили?

– В четвертом, комната триста двадцать шесть.

– А я во втором.

– Но я видела, как вы поздно вечером входили в девятый.

– А что, у нас это запрещено?

– Не уходите без меня, Женя!..

– Я пока еще друзей не надувал. А мы ведь, получается, теперь друзья... Ладно, топайте обратно в поселок, готовьтесь. Только не оборачивайтесь и не машите рукой.

– Эх, граф Монтекристо! Женщина битый час объясняется в любви, а вы отсылаете ее, не поцеловав.

– Зося, постарайтесь... ну, не шебуршиться... хотя бы эти – сколько там? – тридцать восемь часов. И чтоб никто не увязался за вами послезавтра. Из поклонников, так сказать.

– Слушаюсь! До встречи!

– До встречи, прекрасная Зося!

– Наконец-то! Бардзо дзенькую.

Антон глядел, как она спускалась, по пути срывая цветочки. Смешно спросить, но доживет ли он до послезавтра?

Он поднялся до грунтовой дороги и побежал неспешно, нащупывая ритм. Попал, вошел в него – и успокоился. Да, она права, рекорды устанавливать он не собирался. Бег помогал поддерживать форму, ту тревожную готовность, которую обретает олень, учуяв волчью погоню. Забавно надеять-

ся, что от его волков могут помочь тренированные копыта. Хотя – кто знает, кто знает, наперед не углядишь. Бег выстраивает внутренний порядок, успокаивает. И всякие бредовые мыслишки тоже начинают бегать в голове. И из них иногда толк получается... как тогда с водительскими правами. Чистая английская работа: дело сделано, а никто не пострадал.

Но эта Зося... если не фальшивка, то – фантастика! Сонечка. Сонечко – по-украински солнышко. За что вдруг ему такая пруха?

А ведь растаял перед ней, растаял... По словам чушь выходит: люблю, на край света, сю-сю-колбасю... А глядишь и веришь, что правда. И сразу надежды дурацкие: вот бы... как славно... Сам бы уж не шебуршился бы! Прыгнуть в ущелье, о камень башкой – и вся любовь. И впрямь, что удерживает его от такой простоты? Страх? Вроде не только страх. Жажда жизни? Притупилась. Надежда? Он мог надеяться только на случай. Ну вот тебе, получай случай в чистом виде: явление Зоси. И это не меняет ничего. Послезавтра, возможно, он ее увидит и что-то прояснится. Что?.. Ну ладно, до послезавтра еще надо дожить. А ночевать в своем девятом корпусе ему больше не стоит. Зося его засекла. Значит... Значит, профессионалы уже бы его скушали, если б она на них работала... Да, а вдруг здесь штука тоньше? Поиски этого... художественного эффекта? Чтобы орден был подороже: заманили в безлюдное место и взяли как лопуха... но это чересчур

артистично...

Зося добралась до места чуть раньше – на шесть минут, если верить капризным часикам. Она сбросила на траву набитый рюкзак и сама свалилась рядом. После оглянулась по сторонам – никого. Переменила футболку.

Подковообразная заросль терновника была как бы ступенькой посредине затяжного подъема. Скрытно подойти к ней можно было только с разомкнутого конца подковы – кусты и деревья тянулись отовсюду до самого леса. Но нигде ничего... Зося пнула рюкзак, и тот покорно лег на лопатки. Обманул... Как это глупо и как стыдно... Она позавчера могла показаться помешанной или шлюхой... Но он-то должен был понять! Разве ей легко было?.. Вот так, в кои то веки влюбиться до обморока... а он оказался мальчиком, играет в казаков-разбойников...

– Ну-ну, Зося, зачем же лупить по земле кулачками!

Она перевернулась на спину. Глаза блестели.

– К чему эти игры, Женя? Где вы были?

– А вона под тем кустиком...

– Неправда, не было там никого!

– Простите – правда. У нас в десантном батальоне я по этой части отличался, хоть и длинный.

– Так вы служили в десанте, это где все головорезы!..

– Не все, через одного... Вы отдохнули немного? Тогда в путь, пока не жарко.

Он вскинул ее рюкзак на плечо.

– Ого! Бедная девочка! Ну ничего, потом я вас немного разгружу.

И он повел ее меж кустами к лесу. Зося шла, не чувствуя себя. Полночи она молилась, прося послать ей прозрение. Так не делают, как она. На гигантской этой турбазе она нагляделась: бабоньки, вырвавшись из-под присмотра, глотали, не разжевывая. Какая-то сплошная собачья свадьба. Но никто не жег корабли. Это было как разминка, как лихой сеанс вольной пляски среди тягучих повседневных трудов. И они бы ее осудили: нельзя быть такой дурой.

– А где ваши вещи, Женя?

– Уже близко.

Рюкзак Антона был ему под стать. Переложив в него Зосины банки-склянки, Антон осторожно накинул ей на плечи лямки полегчавшего мешка, и они двинулись дальше, хорошо, что теперь уже не в гору.

– Как дивно в сосняке, правда? Я очень люблю сосны.

– Ага, – ответил Антон, – нам идти часа два, – потом поглядел на Зосю и поправился: – Во всяком случае, не больше трех. А потом поймаем попутку, трасса бойкая... Если вы не передумаете. Время пока есть.

– Ну что вы заладили! Мне и так страшно в лесу. Могли бы пожалеть...

– Дела, – сказал Антон. – Да, дела выходят у нас с вами...

– Черт возьми, пан не любит туристские нравы?

– Каждый свое понимает. О себе и о других...

– Ой, грибы ведь, грибы!

Три белых, похожих на горбушки хорошего ржаного хлеба, выросли на кочке совеем рядом с тропинкой.

– Не трогайте, – сказал Антон, – все равно у нас пропадут.

– Не могу. Хочу!

Она сбросила рюкзак, вынула из кармана складной ножик и на коленках поползла к горбушкам.

– Ой! – и опять: – Ой! Ой!

Это она с коленок увидала, что за тремя там, дальше, еще и еще. И все подчистила, что увидала. Потом срезала долгий прутик и нанизала добычу, как белка.

– Я к вашему рюкзаку прицеплю, ладно?

– Валяйте. Глупить – так на всю катушку.

Она продела прутик в петли мешка и тронула его за плечо. Он обернулся.

– А правда, мы уже привыкаем друг к другу?

– Угу.

И тогда они двинулись дальше. Она стала рассказывать о городке, в котором родилась, о старинной «солевой» церкви – построенной у месторождения соли – без единой железки – ни гвоздя, ни скобы, об особом мирке западноукраинского городка, но более всего о дяде Мирославе, который был «старым кава́лером» (принципиальным холостяком – пояснила она тут же) и который поражал русских коллег своей фантастической элегантностью: одних сорочек у него было

две дюжины; а когда его спрашивали, зачем он не женился, лицо кава́лера становилось брезгливым, как у балованного кота, которому предлагают катышек хлеба: «Та про́шу я вас! Нэ люблю я того гармыдэру!» – то есть, значит, беспорядка.

– А вы, Зося, выходит, полька?

– Если вам так хочется, то да. Помните, как у Пушкина три сына литовского воеводы отправляются воевать добычу, а потом у каждого вместо злата и каменьев – полячка младая. А у нас в роду были и немцы, и гуцулы, кроме поляков. Но я чувствую себя русской – хитроумные родители отдали меня в русскую школу и подружки были дочки пришлого люда, а потом меня зачем-то еще понесло в бывший Петербург в лесотехническую академию, где совсем обрусела. А вот вы походите на викинга...

– Это которые морские разбойники средних веков? Так я с морем мало связан.

– А с разбоем?

Так шли они, эти двое, болтая, – мало ли туристов бродит летом в Карпатах! шла ненормальная барышня, вдруг забывшая о замужестве, с четырьмя тысячами в кармашке рюкзака, завернутыми в бумажную салфетку; и шел кавалер ее, страдающий, как видно, манией преследования, и покачивался прутик с грибочками у него за спиной; и вдруг показалось им, что они как единственная женщина и единственный мужчина на земле, и весь этот мир, такой великий и такой

ничтожный, сделал бы лучше всего, если бы предоставил их самим себе...

– Вот мы и подошли к первому рубежу, – сказал Антон, – теперь вдруг и узнаем, какая вы есть на самом деле.

Солнце вкатилось в зенит. Попили из ручейка и умылись.

– Пора и перекусить, хозяйка. Только вот камешек уберу...

Он подошел к валуну, обросшему с севера сизоватым мохом, и, упершись в него руками, стал толкать под уклон.

– Давайте помогу, он же страшно тяжелый!

– Ничего, а как же я его сюда ставил?

Под камнем в сыром песке ползали какие-то многоножки. Антон взрыхлил песок ножом и выгреб руками.

– Клад викингов? – заулыбалась Зося.

Он вынул продолговатый сверток. Полиэтиленовый мешок долой, затем промасленные тряпки...

– Автомат?!

– Он самый. Десантный вариант, без приклада.

– Ой, Женя!..

– Хватит, противно! Пора колоться: Женя я – по липовому паспорту. Антоном зовут. Антон Гусев.

Когда начинается настоящая жизнь? Все, что было, казалось подделкой. Ну, школа, ясное дело, – не лицей, только пичкают тебя всяким, как гусака в клетке. Зато в школе были бокс и библиотека приключений. Купер, Дюма, Буссенар... А после школы – уже жизнь? Умерла мать, вместо институ-

та Антон пошел в шоферы, и дальше поехало само, будто за баранкой его жизни не он, а кто-то другой, серый и нудный, но очень настырный. Армия. Муштровали на совесть: парашют, стрельба, самбо. Лейтенант Воилов, мастер спорта, обучал каратэ. Антон – отличник, предлагали военное училище. Нет, это все не жизнь. Тоска ни от чего, и не с кем поделиться – не понимают. Девочки, тот самый сорт, что снисходят до солдата. Солдатский спорт: кто больше сумеет за вечер, за время увольнительной... Нет, думал все-таки, что жизнь – это совсем другое.

После дембеля остался во Владивостоке. Общежитие на Второй Речке – комната на четверых, а порядку меньше, чем в казарме. Единственный вид уважения – уважение к его способности набить любому морду. Пригласили сесть на директорскую «Волгу»: должность холуйская, зато времени до чертиков, можно перечитать все, что есть в библиотеке. Плюс отдельная комнатка в общежитии. Согласился, пошел в холуи. В университет поступил на вечернее – тоже от тоски. И все равно внутри порой вот так вот и сожмет до судороги – пустота.

Но ведь это уже точно – жизнь. Другой не дадут. А все время хочется другой.

И внезапно – Славик. Откуда он взялся такой? В восемнадцать лет, когда нормальный парень, вытолкнутый из школы, озирается дурак дураком, этот «вырабатывает мнение по вопросу соотношения идеала и действительности в русской ли-

тературе». Выпендривается? Да нет, во всем остальном наивный мальчик. Но среди однокурсников – как... как Шерлок Холмс в райотделе милиции. Пришелец, в общем. Никаких авторитетов. Ты скользишь, а он копает. «Истина, только истина меня интересует». Ишь ты!.. Но столько знать и уметь так распутывать лживые кружева!.. Нашпигованный фантастикой, Антон готов был предположить, что Славик припутешествовал откуда-то... из знаменитого лицея, что ли... как в карете из Царского Села в Петербург. Тем более, что тот прочитывал «Юманите» столь же свободно и небрежно, как Антон – «Спорт»

Лучшим занятием стало приходить к этому вундеркинду и слушать. И впервые понял Антон, что значит дорожить свиданием. А Славик, с жаром делясь уже освоенными им вещами, вдруг останавливался и хлопал себя ладонью по лбу: приходила новая, неожиданная мысль: «Ну, Антон, честное слово, при тебе я умнею!»

Антон много раз встречал в книжках такое слово: талант. Видел способных ребят и даже служил с будущим чемпионом мира – но никогда прежде он не представлял, до чего интересно может быть человеку с другим человеком.

Славик жил вдвоем с матерью, Елизаветой Порфирьевной, и Антон внес в их дом то, что мог: мужскую крепкую руку. Он все починил, прибил, приклеил. Потом размерил стену в комнате и за несколько раз на директорской «Волге» привез отшлифованные доски для стеллажа – книжный раз-

вал мог когда-нибудь погрести под собой друга.

И в очередную субботу явился еще раньше, чем обычно.

– Немедленно бужу своего лентяя, – сказала Елизавета Порфирьевна, – и садимся завтракать. Сегодня – любимая ваша кета в кляре. И, заметьте, дорогой Антон Сергеич, – китайский чай. Из китайской даже банки.

– О-о-о-! – стонал Антон.

Его радовала каждая мелочь, связанная с этим домом.

И пока там художественно накрывалось на крахмальной скатерти – никогда прежде не видывал таких скатертей! – Антон пробовал дрель, сортировал уголки и шурупы. Для этого дома он работал с таким старанием и удовольствием, с каким ничего не делал для себя. Только вот... да, вот если нашего чудо-мальчика окрутит какая-нибудь ловкачка... в университете по коридорам они так и кружат, эти милые созданья... как вороны над цыплячьим выводком. Интересно, как эти куклы умеют подстраиваться... чувствуют, что мальчик воспринимает их всерьез. Он еще всех людей воспринимает всерьез, и ничего тут не попишешь, ничего... Только будет спотыкаться и падать, пока не придет к нему взрослое зрение. Антон даже хотел привести Славика в одну из тех компаний, где люди искренне пошлы, но боялся, что лекарство станет пуще болезни. Тамошние девки... Нет, не знал Антон, что надо делать.

После завтрака принялись за стеллаж.

– Нет, я уверен, что человек должен жить вовсе не для сча-

стья, хотя счастья хочется каждому. И понимается это счастье чаще всего просто как сумма житейских благ и сладких удовольствий. Пока их нет, они заманчивы, а объешься – тошнит. Чего ты улыбаешься, как отец народов? Доказано, что исключительное стремление к счастью непременно заводит в тупик – и тем скорее, чем легче осуществляются желания. Достойной целью человека может быть только творческое – понимаешь – и оттого у всех неодинаковое – стремление к триаде: истина–добро–красота. Этому надо учиться, пробиваться надо сквозь такие заросли... Знаешь, человек двуног, но бывает хуже четвероногого.

– Откуда ж тебе-то знать?..

– Вижу. Чувствую по себе. Разрыв бывает ужасный. На одном полюсе минус пятьдесят, на другом – все кипит... И вот еще: скажем, страдать... никому неохота, все желают друг другу благополучия... а ведь без страдания ни черта понять невозможно!

– А как же насчет того, что высшая цель – всеобщее благо? Ведь оно-то как раз без страданий?

– О! Вот я и хотел тебе зачесть из умной книжки. Слушай: «Когда я служу собственному удовольствию и счастью, то это не имеет никакой нравственной цены, но служить удовольствию и счастью Петра и Ивана и даже всех Петров и Иванов на свете – тоже не имеет никакой нравственной цены, потому что мое удовольствие и счастие и удовольствие и счастие Ивана совершенно равноценно... Да и к тому же, если

постыдно для человека посвятить жизнь собственному наибольшему удовольствию, то не менее постыдно обратить себя в орудие чужого наибольшего удовольствия». Старомодно выражено, но точно схвачено.

– Ладно, Иваны Иванами, да только мне не хочется, чтобы ты страдал. И Елизавете Порфирьевне, между прочим, тоже. Нам как раз и мечтается, чтобы у тебя были эти самые блага...

– А тебе не приходило в голову, что людям вообще хочется того, что для них гибельно?.. И почему-то ни один философ не дошел до истины, которая стала бы истиной для всех. Может быть, мир человеческий несет в себе загадку, которую сам разгадать не может. Или еще не время, не созрел... Или должно еще нечто народиться?.. А все лучшие люди – тоже загадки. Просты обычно те, что хуже четвероногих. И полюса, разрывы, бездны... И все-таки надо искать, каждому надо, несмотря ни на что!.. Какая скрытая мудрость бывает в обыкновенных сказках: пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю, что!.. Это и есть, быть может, страшная загадка человека... А то написали: человек создан для счастья, как птица для полета. А почему не для накопления, как пчела для взятка? Не для суеты, как муравей? Не для ленивой тины, как карась? Нет, только создатель человека знает – для чего...

Так они могли говорить часами. Перескакивая, карабкаясь, блуждая.

И вот, духовно старшему исполнилось девятнадцать, потом двадцать. И не знали они во всем Владивостоке (а уж тем более в дохлом университете) человека, который мог бы помочь им в пути.

– Тошенька, – всхлипывала на кухне Елизавета Порфирьевна, – Это такое счастье, что Славушка тебя встретил! Ты знаешь, я не могу похвастать здоровьем... Всем страшно умирать, но с матерями дело особое. Я вот читаю в газетах о заброшенных детьми старухах – и завидую им! Я бы хотела лучше быть уже ненужной и заброшенной, чем ежеминутно дрожать за него... Честно говоря, никакого смысла в моей жизни, кроме Славки, не было. А он – особенный, ты знаешь. Он свой смысл найдет, но в нашей жестокой заварухе он птенец. Которые бросают матерей за ненадобностью – вот они-то приспособлены, а он сломает ногу там, где другой – как на перине... А ты – сила. Ты его поддержишь, если что.

– Ну, – сказал Антон, – была сила, когда матка носила. Я вот наоборот, когда с ним – успокаиваюсь. А один – как взболтанный, ни фига не понять. Только вижу, что меня надувают, но не разбираюсь, кто и за что.

– А почему бы тебе не переехать к нам? Сколько можно по общагам колотиться?

– Нет, Елизавета Порфирьевна, не стоит. Я вот встаю утром и вспоминаю, что есть дом, где меня ждут. И чуть что – к вам. А у Славика новые идеи, а вы меня – как сына... Чего лучше? А в общаге у меня только это... жизнь тела. И, как

бы это сказать, подруги...

– Дело молодое. Быль молодцу не укор... Я вот за Славку переживаю. Ты заметил?..

– Я давно понял. Он как бы хотел переговорить, но сдержался. Он стеснительный и думает, что только с ним... А принцессу я видел, на машине ехал за ними по Уборевича, как шпион. Возле телевидения они на скамеечку сели. Она ничего себе, но... балованная. Не такую хотел бы я с ним рядом...

– Ох, Тошенька, это наше с тобой испытание!..

– Я понимаю. Вмешательством можно напортить.

Эх, Антон! Напортить можно всяко – и вмешательством, и невмешательством. И не пытался ли растолковать тебе Славик, что добро надо творить, оно не продается готовым в лавке, не вырабатывается на фабрике миллионами тонн, оно может взрасти в тебе, а может и не взрасти; и когда оно есть в тебе и побуждает к действию, – действуй и ничего не бойся. Как пожалеешь ты, Антон, о своем невмешательстве, как пожалеешь!

Принцесса пригласила Славика на свой день рождения, обещая на все ответить. Ей нравилось с ним бывать: он забавный, знает, кого любил Гете, почему не дружили Достоевский и Тургенев и что сказал Альфред де Мюссе о Жорж Санд. Но... Бывает, забудется – не с профессором гуляет! И поскачет, поскачет, ничего не понять, как в политэкономии.

Ей девчонки завидовали, считалось престижным с ним ходить, только неужели ждать, когда он кем-то станет? А и станет ли? Не зайдет ли ум за разум? Гегели-шмегели хороши в кино... А жизнь коротка, ребята приходят из загранки и привозят такие японские штучки – не устаешь любоваться. Нет, жить надо сейчас, не откладывая, и жить красиво, чтобы уродские дуры сохли от зависти. А жить можно, для этого у нас созданы все условия, только понимать надо, что рыба хек – она нарочно для дураков придумана, чтоб подавились ею. Соболей всегда будет горстка против тучи кроликов – и ты теперь, именно теперь, пока оборачиваются на тебя на Ленинской, выберешь, какого меха ты достойна. Вот так, братцы-кролики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.